

ЕЛИЗАВЕТА ЛЕЩЕНКО

УЧЕНИК
ХРАНИТЕЛЯ
СНОВ

Skleněný můstek s.r.o.

Rumunská 660/8, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Елизавета Лещенко 2021

© Skleněný můstek s.r.o. 2021

ISBN 978-80-7534-256-0

Произведение опубликовано с сохранением стиля, орфографии и пунктуации автора.

Содержание

Глава 1. «Санта Клаус» и пряничные человечки

Глава 2. Новый дом, ловец снов и коровы для маскировки

Глава 3. Голодный дух и Мистер По

Глава 4. «Мечь» Мистера По и ночное путешествие

Глава 5. За занавесом

Глава 6. История Эрни

Глава 7. Сквозь арку

Глава 8. Мистер По спасает снова

Глава 9. Чай, конфеты и серьезный разговор

Глава 10. Пустынная планетка, гроза и кружка с Обеликсом

Глава 11. Работа хранителя снов

Глава 12. «Устаревшая модель», шопинг и борода

Глава 13. Опасное пространство

Глава 14. Ушастик

Глава 15. Деревянный лютнист

Глава 16. Предупреждение

Глава 17. Новая жизнь старого дома

Глава 18. Землетрясение и история Тома

Глава 19. Потайная дверца и письмо для бабушки

Глава 20. Гномы и кукольный домик

Глава 21. Лютня

Глава 22. Том стрижет бороду

Эпилог

Глава 1. «Санта Клаус» и пряничные человечки

Эрни, с самым непринужденным видом, на который только он был способен, разглядывал содержимое полки супермаркета. В разгар зимних праздников секция с кремами для загара и прочих атрибутов курортного времяпрепровождения выглядела откровенно заброшенной. Видимо, те, кто мог позволить себе в эти дни погреться под тропическим солнцем, приобретали все эти вещицы в магазинах иного класса. Однако это не отменяло необходимости ежедневной уборки, и Эрни выбрал удачный момент, когда дама с моющим пылесосом свернула в проем между витринами, направляясь к холодильникам, и он проскользнул сюда незамеченным. Он знал, что примерно через десять минут она вернется, и ему придется уйти.

Но сейчас он может спокойно стоять здесь, отогревая окоченевшие пальцы рук и ног, и спокойно думать, позвякивая последними монетами в кармане слишком короткой для такой холодной зимы курткой.

Он никогда не воровал, как бы ни было трудно (просто поклялся себе этого не делать), и даже никогда не выходил из магазина, совсем ничего не купив. Он продержится еще несколько дней, оттаивая в ладонях снег, чтобы выпить чистой воды, и растягивая подкопченную корку хлеба на целые сутки, превращая его кусочки во рту в жидкую-прежидкую кашу.

Потом он снова найдет какую-нибудь работу в порту или еще где-нибудь, а потом...

Он не знал, что будет делать, но он попытается накопить немного денег, и может быть даже когда-нибудь сможет купить ее. Он даже не знал, получится ли у него что-нибудь сделать, когда она ляжет в его руки, издаст ли она под его заглубившимися пальцами хоть один мелодичный звук.

Но он знал, что никогда не сможет забыть ее голос, глубокий, тревожащий и умиротворяющий, ниспровергающий все и возвращающий надежду из ниоткуда.

Тогда он просто проходил мимо и увидел сквозь стекло витрины, как парень с темными густыми волосами, собранными в хвост, отложил другую, и взял в руки эту, как будто уже поняв, что именно она – та самая, — и, прикрыв глаза и запрокинув назад голову, заскользил тонкими, почти как у девушки, пальцами по струнам.

Тогда еще с ним был дедушка. Дедушка, который не стал одергивать и задавать лишних вопросов, а просто мягко положил на его плечо свою теплую шершавую руку, и молча стоял рядом, пока он, «остолбенев» посреди улицы, с полукрытым ртом слушал музыку, лившуюся из-за неплотно закрытой двери на грязную, суетную, грохочущую улицу вопреки всему или во имя всего.

Музыка уже смолкла, и темноволосый парень, держа в одной руке картонный футляр со струнным чудом внутри, вышел из магазина и направился к светофору, а Эрни все стоял и стоял, как будто боялся, что если он сдвинется с места, волшебство, открывшееся ему, исчезнет, и уже никогда не вернется. Загорелся зеленый свет, но парень, оглянувшись и едва взгля-

нув на Эрни, остановился, и, не обращая внимания на толкавших его людей, спешащих через дорогу, стал сосредоточенно искать что-то в кармане своих узких джинсов.

Наконец он извлек оттуда нечто, умещавшееся между его пальцами, и легкими шагами приблизился к Эрни. «Я бы никогда с ним не расстался, но он всего лишь из пластмассы, и мне все-таки пришлось купить новый. Это тебе на удачу». И парень разжал пальцы. На его ладони лежал кусочек пластмассы, наверное, когда-то бывший треугольным и ярко-розовым, весь пронизанный микротрещинками, как будто готовый вот-вот рассыпаться в пластиковую пыль.

«А что мне с ним делать?» — спросил Эрни скорее сам себя, потому что парень на этот раз все-таки перешел дорогу.

Дома он осторожно проделал нагретой иглой в середине треугольничка отверстие, и с тех пор «амулет» всегда был с ним.

Сейчас Эрни чувствовал, как он немного царапнул ему грудь под майкой, и воспоминания и мечты, как будто нанизанные вместе с бледно-розовой безделушкой на нить, обвязанную вокруг шеи, сейчас грели его не меньше, чем радиатор, пристроенный у соседней стены.

Через минуту женщина с пылесосом вернется в секцию «загара», он перестанет рассматривать статуэтку туземной девушки в купальнике из ракушек, зачем-то втиснутую на полку с кремами, возьмет сухари из ржаного хлеба, заплатит за них и выйдет в холодные сумерки.

Разжившись сухарями, Эрни рискнул погреться еще немного, изображая интерес к автомату с разноцветными прыгунчиками возле выхода: до темноты, когда можно будет незамеченным пробраться в чистенький подвал и прижаться

к теплой трубе, все-таки, еще минимум час. А час на морозе — это немало.

— Полагаю, ты уже вырос из этого ... Низкий мужской голос заставил Эрни вздрогнуть.

В другой раз Эрни выскользнул бы из дверей магазина, быстро, легко и бесшумно, как перепуганная кошка, и через полминуты был бы уже за пару кварталов отсюда, в одном из тех мест, где никто не будет буравить подозрительным взглядом его затылок с сильно отросшими волосами, выбивающимися из-под старой шапки.

Но что-то в этом голосе заставило Эрни поступить иначе. Что-то, чего он почти никогда не слышал в голосах людей старше него. Эрни во что бы то ни стало захотелось разглядеть обладателя этого странного голоса. Он медленно повернулся, чтобы рассмотреть его.

Если бы не элегантно черное пальто, шапка с искусственным мехом, отглаженные брюки, аккуратные ботинки на невысоком каблуке и безупречная осанка, Эрни мог бы сказать, что незнакомец очень похож на Санта-Клауса с картинки: белоснежные густые брови, усы и борода, спрятанная под шарф, закрывали почти все лицо с мягкими светлыми глазами, сейчас разглядывавшими Эрни поверх очков в прямоугольной позолоченной оправе с не меньшим любопытством.

В руках, как будто только что тщательно вымытых с мылом, с белоснежными краями ногтей и мягкой кожей, «Санта Клаус» держал коробку с прозрачной крышкой, перевязанную тонкой лентой, зеленой, с красными полосками по краю. В коробке лежали два больших пряничных человечка, так, как будто они держатся за руки, маленькие пряничные руки в сахарной пудре. Человечки подмигивали шоколадными глазами и улыбались губами из глазури. Даже сквозь стеклянную крыш-

ку Эрни почувствовал запахи имбиря и сладкой присыпки. Его живот громко заурчал.

Незнакомец прочистил горло и повторил свою фразу сначала.

— Полагаю, ты уже вырос из этого, но пряники действительно вкусные.

С полминуты он снова разглядывал Эрни, немного наклонив голову набок, потом просто спросил:

— Выпьешь со мной чая?

Не успев толком подумать о чем-либо, Эрни кивнул, понимая, что очень рискует. Но что-то внутри него очень хотело доверять этому человеку, как будто в нем было что-то родственное, что-то напоминавшее о волшебстве, которое он уловил в случайно подслушанной живой музыке, волшебстве, которое пряталось за пеленой тех снов, которые никогда не помнишь отчетливо.

Мужчина уже открыл и придерживал входную дверь магазина, легким движением головы предлагая Эрни выйти первым. Эрни на секунду заколебался («Куда все-таки он собирается отвести его?»), но, почувствовав колкий уличный холод, так быстро съедавший искусственное тепло большого помещения, холод, который этой зимой, казалось, пробрал его не только до костей, но и въелся в самое сердце, холод, грозивший навсегда превратить его в настороженного, недоверчивого, оцетиненного получеловека-полуволок, вышел (а не выбежал) из магазина, теперь сам придерживая дверь, дожидаясь, пока его спутник выйдет.

Мужчина бодро зашагал по утопанному снегу, жестом указав направление (Эрни заметил, что он не надел перчатки и не спрятал руки в карманы пальто). Когда они переходили через дорогу, он легко придержал Эрни за плечи свободной ру-

кой («Точно так же делал дедушка»), и сквозь свою тоненькую куртку Эрни почувствовал, какая его ладонь горячая.

Теперь они шли по недавно расчищенному тротуару. Снегопад усилился, и тонкое снежное покрывало, легшее на темный асфальт, переливалось и искрилось под лучами фонаря. Неожиданно спутник Эрни нарушил молчание.

— Если я не ошибся, ты беспокоишься о работе, которой сейчас нет для тебя. А вот у меня ее, наоборот, чересчур много, в этом году не справляюсь один.

Он говорил просто, будничным тоном, как будто они с Эрни знакомы давным-давно. Эрни поразила его осведомленность, и, не зная, что ответить, он нелепо ловил холодный воздух ртом, чувствуя себя глупой и беспомощной рыбой, застрявшей между камней у берега озера.

Заметив смятение Эрни, мужчина поспешил его успокоить.

— Не переживай, я тебя никуда не сдам.

Он снова положил на плечо Эрни горячую ладонь, увлекая за собой в заснеженный проход между домами.

Сквозь белую гардину снегопада светились окна, украшенные гирляндами, фигурками снеговиков, снежинками и лентами. Только теперь он по-настоящему заметил все это, а тепло руки, вкрадчивый голос и ласковые глаза его спутника напомнили о дедушке, его улыбке, освещающей лицо в сеточке мелких морщин, которые делали его еще добрее и приветливее. Эрни вспомнил запах еловых веток, которые они собирали на улице и сплетали в венки («Зачем срубать целое живое дерево?!»), скромный, но вкусный ужин из запеченных овощей, самодельный сок из погребя, старый-престарый кованый подсвечник, весь в капельках застывшего воска, желтовато-белую,

но чистую скатерть с вышитыми крестиком оленями по краю, пропахшую старинным комодом с засушенными травами в ящиках, отблик огонька свечи на припыленных стеклах, под которыми притаились пожелтевшие фотографии, душистый чай из листьев мяты, выросшей на маленьком огороде за домом.. Забытое ощущение безопасности и тепла как будто снова согрело его..

Картинки воспоминаний окружили его, заслоняя, вытесняя кадры реальности. Он шел как послушная механическая кукла, увлекаемый куда-то едва знакомым человеком, направляемый теплом его ладони.

Но вот ладонь отстранилась, тепло отступило, распалась иллюзия, которой хотелось довериться, в которой хотелось остаться.

Эрни стоял прямо возле окошка того чистенького и светлого подвала, в котором он ночевал последние две недели. Он предпочел бы не считать эти дни, совсем забыть о времени, не знать, сколько прошло ужасно грустных ночей, часов, минут с того темного вечера... Впрочем, теперь это уже неважно. Его поймали с поличным. Незнакомец, так правдоподобно изображавший дружелюбие, сейчас достает из кармана телефон. Он позвонит в социальную службу и сообщит его приметы, и не сегодня-завтра за ним придут, его поймают, ведь у него уже не осталось сил убежать далеко, надежно спрятаться. И все-таки, он попытается. Несмотря на болезненное чувство обманутого доверия и почти парализующего ощущения безнадежности, Эрни, мягко, как кошка, которая пятится, выгнув спину, стал отступать назад.

Мужчина, тем временем, достал из кармана, то, что искал.

Ключи в его руке звякнули и упали в снег.

Эрни совершил свой «кошачий» прыжок — но не назад, а вперед, — и быстро поднял ключи.

Мужчина, по видимому, не заметил ни смятения и испуга, ни манипуляций Эрни: немного потеряв друг о друга ладони, он снял запотевшие и залепленные снегом очки и, подув на них, стал протирать стекла белым, как свежий снег, носовым платком.

Глава 2. Новый дом, ловец снов и коровы для маскировки

Раньше Эрни не позволял себе разглядывать этот дом. Для него существовал только подвал, в который нужно проскользнуть незамеченным. В маленьком мирке, где он вел борьбу за выживание, не было места зимним пейзажам, голубям, ворковавшим под крышей, толстым котам, из-за чистых окошек лениво наблюдавшим за воробьями.

Это был тот же самый двор, в который он прокрадывался еще вчера, как пугливая мышь в свою норку.

Но сейчас он смотрел на него совсем другими глазами: глазами человека, которого другой человек пригласил к себе в гости. Теперь этот двор дружелюбно светился лампами и подмигивал гирляндами. Улыбчивый довольный дом, надевший уютную снежную шапку, открывал для него одну из своих дверей.

Мужчина закончил с очками и взял из ладони Эрни аккуратный чистый ключ. Его пальцы уже не были такими теплыми.

— Это моя причуда – не носить перчатки. Они всегда казались мне ужасно неудобными. А пальцы уже не те, что были раньше, и глаза подслеповатые. Так что, не окажись ты сейчас рядом, я бы ползал в сугробе добрых полчаса. – Мужчина заговорщически подмигнул Эрни.

— Я живу здесь, на первом этаже. – Он указал на окно, располагавшееся прямо над окошком подвала, так хорошо знакомого Эрни. В нем не горел свет.

Мужчина сам ответил на вопрос, который Эрни постеснялся бы задать.

— Я живу один. Если, конечно, не брать в расчет Мистера По. Но он нечасто бывает дома. Впрочем, я забегаю вперед, а ты, наверное, уже успел замерзнуть.

Они вошли в подъезд, в который Эрни не раз доводилось проникать «контрабандой». Опрятная деревянная дверь немного скрипнула, пропуская их в уютную прихожую.

Скромная и опрятная прихожая выглядела ничем не примечательной. Но здесь ужасно странно пахло: прихожие маленьких квартир просто не должны пахнуть так. Платяные шкафы и полки для обуви не хранят запах смешанного леса. Эрни знал и любил этот запах, он не спутал бы его ни с чем на свете.

— Знаю, у меня скромно, но я регулярно убираюсь и проветриваю. — Мужчина снова подмигивал. Из-за отсветов лампы в стеклах очков его глаза казались моложе и веселее, чем должны были бы быть у такого почтенного господина.

Пока Эрни разглядывал занавеску, отделявшую маленькую прихожую от комнаты-студии, возле его ног очутились мягкие тапки. Их носы были сшиты в форме голов мышей, на заостренных «мордочках» сверкали черные пуговицы-бусины, а за пятками тянулись хвосты. Когда Эрни сунул в них ноги и встал, мышки издали писк. Эрни вздрогнул и улыбнулся.

Хозяин тапок и квартиры хохотнул почти по-детски радостно.

— Это мои любимые. Надеюсь, тебе нравится.

— Большое спасибо.

Он уже снял пальто, и Эрни удивился, какая его белоснежная борода густая и длинная. Дедушка тоже носил бороду, но она едва касалась ворота рубашки.

— Пойду поставлю чайник. Если хочешь вымыть руки — ванная направо. — Сообщил хозяин, раздвигая шуршащие и шелестящие нити занавеса, на которые были нанизаны какие-то бусины и перья. Миниатюрные колокольчики тонко звякнули, когда он исчез в недрах гостиной.

Эрни осторожно прошаркал в ванную, стараясь, чтобы «мышки» под его ногами не пищали слишком громко.

Не найдя выключателя, он боком протиснулся сквозь раздвижную дверь и стал осторожно ощупывать стену внутри. Но свет мягко включился сам, маленькие лампочки на потолке зажглись одна за одной, освещая почти всю белоснежную ванную комнату с большим прямоугольным зеркалом над миниатюрной раковиной.

Эрни подошел к раковине, открыл кран и подставил ладони под горячую воду. Тепло от рук как будто растекалось по всему телу. По бокам зеркала мягко загорелись еще две миниатюрные лампочки. Эрни медленно поднял глаза, собираясь духом перед тем как ему придется взглянуть в лицо собственному отражению.

Он ожидал увидеть почти больное, изможденное, затравленное лицо бездомного человека.

Но из большого зеркала на него смотрело совсем другое лицо: худое, с высокими скулами, но свежее, с румянцем на светло-персиковой коже — лицо юноши со взрослыми, горящими глазами. Это было почти незнакомое, но ясное и красивое лицо.

Эрни быстро вымыл руки, умылся, наспех вытерся пушистым полотенцем и вошел в гостиную, уже не обращая внимания на громкий писк под своими ногами, чувствуя себя почти как дома.

Странный запах, который он почувствовал еще в прихожей, ощущался здесь еще сильнее, воздух в комнате был как будто перенасыщен кислородом и запахом древесины, спящих почек, смолящихся игл. Там, где он ожидал увидеть окно, висел плотный занавес, похожий на театральный, крепившийся к карнизу на потолке, напоминавшему собой яхтенную мачту. Справа на «мачте» помещалось какое-то колесико, с которого свисал канат.

Окно же находилось в стене напротив. Оно было очень большое, почти от потолка до пола. И вид из него открывался довольно-таки странный. Несмотря на то, что когда они заходили в дом, на улице уже стемнело, это окно выходило куда-то, где солнце только начинало клониться к закату. Кроме того, пейзаж был совсем не зимний. Точнее сказать, пейзаж был таков, что зимы здесь вообще скорее всего не было: здесь росли пальмы, в домиках-коттеджах окна были открыты настежь, за окнами сушилось пестрое белье, среди которого Эрни успел заметить несколько легких платьев, рубашки и шорты.

Хозяин квартиры, сейчас возившийся с на вид слишком большим для такой «хоббитской» кухни чайником, заметил, что Эрни застыл, глядя в окно. Он «бухнул» здоровенный пузатый чайник на крошечную плиту, скользя по полу, заспешил к стене с окном, переключил что-то на странном устройстве, отдаленно напоминавшем выключатель, и из окна (теперь нормального окна стандартной формы и обычного размера) стала видна темная заснеженная улица, по которой они еще недавно шли.

«Ничего себе — скромное жилище», пронеслось в голове у Эрни, «если даже вид из окна меняется автоматически».

Из-за шторы-занавеса выплыло нечто, что Эрни поначалу принял за большой мыльный пузырь. Но, когда «пузырь»,